

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316 159.9

Галяпина Виктория Николаевна**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МИГРАНТОВ И ПРИНИМАЮЩЕГО
СООБЩЕСТВА В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ:
ФАКТОРЫ ВЗАИМНОЙ АДАПТАЦИИ**

В статье представлены результаты качественного исследования представлений мигрантов (представителей народов Северного Кавказа) и принимающего сообщества (русских) о проблемах, связанных с миграцией, и факторах, обуславливающих взаимную адаптацию. На основе анализа выявлены зоны наибольшего несоответствия, которые могут являться основой проблем межкультурного взаимодействия

Ключевые слова: мигранты, принимающее население, взаимная адаптация, фокус-группы.

Galyapina Victoria Nikolaevna**INTERACTION BETWEEN MIGRANTS AND HOST COMMUNITY IN STAVROPOL
REGION: MUTUAL ADJUSTMENT FACTORS**

The item presents the results of a quality research into the ideas prevalent among migrants (peoples of the North Caucasus) and among the hosting community (ethnic Russians) concerning the issues related to migration and the factors responsible for mutual adjustment. The analysis serves basis for detecting the areas of the largest incompatibility, which may lie in the core of intercultural issues.

Key words: migrants, host population.

Как показывает анализ литературы, миграция является все более и более распространенным явлением нашего времени [22]. При этом есть определенные территории, являющиеся наиболее привлекательными для мигрантов. В Северо-Кавказском Федеральном округе таковыми являются Ставропольский край и г. Ставрополь. Сюда направляются основные потоки этнической миграции из республик Северного Кавказа [5]. Это оказывает непосредственное влияние не только на демографические и социально-экономические процессы в крае, но и на межэтнические проблемы.

Коллективом Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований Высшей школы экономики проводились эмпирические исследования в России (Международный проект MIRIPS – Mutual Intercultural Relations In Plural Societies), в которых в том числе участвовали этнические группы мигрантов и принимающего населения Ставрополя, Кабардино-Балкарии и Чечни [13].

Также можно отметить исследования, которые проводились в рамках проекта «Создание системы мониторинга и прогнозирования этнополитических и этносоциальных процессов в Ставропольском крае», осуществленного на основе договора между Правительством Ставропольского края и Ставропольским государственным университетом, а также исследования, которые выполнены лабораторией этноконфликтологии Центра конфликтологии Института социологии РАН на базе СГУ [1;2;4;7;10]. А также исследование адаптации вынужденных мигрантов с Северного Кавказа [6].

Однако большинство этих исследований проводилось непосредственно после событий, связанных с контртеррористической операцией на Северном Кавказе, когда миграционные потоки в основном были связаны с вынужденной миграцией. В настоящий момент ситуация изменилась, в этой связи важным, на наш взгляд, является рассмотрение проблем взаимоотношений мигрантов и принимающего населения уже вне ситуации военных действий, а в большей степени – в контексте проблем этнической миграции, аккультурации и межкультурного взаимодействия.

Мы рассматриваем представителей народов Северного Кавказа, переехавших в Ставропольский край, как внутренних мигрантов на основе следующих критериев: они покинули прежнее место жительства, их переезд сопровождался пересечением установленных административных границ, территориальное перемещение было подчинено определенной цели, подтвержденной мотивацией приспособиться к новой среде либо приспособить эту среду для своего проживания и развития. В качестве такой выступали стремление обезопасить свою жизнь и жизнь членов семьи, создать им лучшие материальные условия, воссоединиться с родственниками, получить образование и др. [11].

В своем исследовании мы опирались на теорию аккультурации [14; 15; 8; 19; 24; 27] и рассматривали процесс взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества как двунаправленный. Мы основывались на результатах последних исследований Д. Берри и Д. Сем, в которых доказывалось, что при контакте изменения происходят не только в группе мигрантов, но и в группе принимающего большинства [25]. При взаимодействии обе группы подвержены изменению ценностей, норм, социальных установок.

Также мы использовали Интерактивную модель аккультурации (Interaction acculturation model), ориентированную на изучение взаимного соответствия стратегий мигрантов и принимающего сообщества [20]. Боурхис и его коллеги, соотнося стратегии мигрантов и принимающего общества, выделили наиболее успешные взаимные стратегии, приводящие к консенсусу, и менее успешные, приводящие к проблемам и конфликтам. В контексте нашего исследования также важна идея Боурхиса и его коллег о том, что тип взаимного соответствия определяется не столько реальным поведением и действиями, сколько восприятием действий и намерений другой группы [20].

Целью исследования является выявление факторов, влияющих на взаимную адаптацию мигрантов (представителей северокавказских народов) и принимающего населения (русских) в Ставропольском крае.

Исследование было проведено в рамках качественной парадигмы. Нами использовался метод фокус-группы, который позволял получить широкий спектр реакций, мнений и установок, более или менее репрезентативный по отношению к исследуемой популяции [3]. Фокус-группа позволяла на основе «коллективных разговоров» [21], группового обсуждения и коллективной деятельности рассмотреть различные проблемы взаимной адаптации мигрантов и принимающего сообщества [23].

Гайд для фокус-группы состоял из 4 блоков вопросов: отношение к миграции, образы мигрантов и принимающего населения, взаимоотношения между мигрантами и принимающим населением, пути налаживания взаимодействия принимающего населения и мигрантов.

Выборка. В исследовании нами использовалась целевая выборка, а также выборка максимальной вариации. В исследовании приняли участие 8 фокус-групп, состоящих из 6–8 человек. Группы были разделены с учетом этнической принадлежности, пола, возраста: русские из числа местного населения Ставропольского края 4 группы – юноши 17–25 лет, мужчины 26–60 лет, девушки 17–25 лет, женщины 26–60 лет; представители народов Северного Кавказа в Ставропольском крае 4 группы – юноши 17–25 лет, мужчины 26–60 лет, девушки 17–25 лет, женщины 26–60 лет.

Фокус-группы проводились на русском языке 100–120 минут. И мигрантам (представителям народов Северного Кавказа), и представителям принимающего общества (русским) – задавались одинаковые вопросы, что позволяло выделять зоны совпадений и разногласий. Велись аудиозаписи, которые далее были транскрибированы¹.

При анализе применялись коды – «живые», интуитивные и априорные, сконструированные. Использовалось осевое кодирование. Анализ осуществлялся с применением обоснованной теории [26]. Данное исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 году.

¹ Стилистика ответов опрашиваемых полностью сохранена.

1. На основе *представлений мигрантов* – представителей народов Северного Кавказа, проживающих в Ставропольском крае, были выделены следующие факторы взаимной адаптации.

1.1. Факторы, характеризующие мигрантов (образ самих себя):

1.1.1. Демографические характеристики – мужской пол и молодой возраст мигрантов, по их собственному мнению является фактором риска:

«...никогда не слышал о проблемах у взрослых мужчин...» (юноши 17–25 лет)

«... девушкам легче, они же после учебы идут домой, в кафе не сидят...не провоцируют...» (девушки 17–25 лет).

1.1.2. Личностные характеристики, по мнению мигрантов, помогающие им быть принятыми местным сообществом – воспитанность, образованность, высокая социальная активность, умение показать себя, коммуникабельность, личностная гибкость:

«... если ты приехал просто так, то и лезут во всякие приключения. А если есть цель, то ты проявляешь себя, тебе некогда...» (юноши 17–25 лет).

1.1.3. Отношение к миграционному процессу. Мигранты к этому имеют неоднозначное отношение, оно зависит от вида миграции, субъекта миграции, ожиданий. Вынужденная и временная миграции не способствуют эффективной адаптации; также снижает успех адаптации отсутствие информации и понимания последствий миграции. Канал миграции и территория, влияют на адаптацию, но направленность влияния пока не ясна (наличие социальных связей и сетей в одних ситуациях помогает, в других – мешает, близость территории также иногда помогает, иногда мешает:

«...большинство чеченцев, ...их заставила уехать, покинуть свой дом эта проклятая война» (женщины 26–60 лет)

«...я бы поехал в Мекку из-за паломничества...» (юноши 17–25 лет)

«Приехала, так как здесь брат, тетя...»(девушки 17–25 лет)

«Неизвестность меня всегда пугает...Когда на длительный срок уезжаешь, то менталитет чуть забывается...» (юноши 17–25 лет)

1.1.4. Социально-психологические и этнопсихологические характеристики. По мнению самих мигрантов, им помогают адаптироваться, повышают принятие местным сообществом и эффективное взаимодействие с ним владение русским языком, этнический патриотизм наличием русских друзей, осознание мигрантами того, как они воспринимаются принимающим сообществом. Гиперпозитивная этническая и религиозная идентичности, воспринимаемая мигрантами дискриминация в ситуации учебы, работы, поиске жилья, абсолютно позитивный атостереотип, восприятие мигрантами своей культурной исключительности, стратегии взаимодействия с принимающим населением, основанные на силе приводят к негативным установкам на межкультурное общение, появлению агрессивным формам взаимодействия и способствуют снижению эффективности адаптации):

«вот кавказца всегда можно отличить по акценту...» (юноши 17–25 лет)

«И ... когда мы в автобусе ехали, ... зашла женщина с ребенком, ...кавказец ... уступил. Это у нас инстинкт, даже не то чтоб обычай, инстинкт. Нас этому учили с детства...» (мужчины 26–60 лет)

«Ну вот, я считаю, что девушка везде должна подчеркивать свою национальность, только в хорошем смысле, ... если она идет, ...почему плохо свою культуру, вот мне нравится, например, идут мои девушки – чеченки, ингушки, мы уже их знаем, мне, например, приятно...» (девушки 17–25 лет)

«Ислам – самая удобная религия и самая лучшая. Там все ясно и понятно, как жить, все написано...» (юноши 17–25 лет)

«Все русские, когда узнают нашу культуру, хотят ее выполнять...» (мужчины 26–60 лет)

«... мой сын что только не делал, но его декан в упор не замечал..., пришлось перевестись в другой вуз...» (женщины 26–60 лет)

«... знаете, я считаю, что где бы человек ни родился, он должен всегда нести свои традиции, свою культуру, свой менталитет показывать, но в хорошем смысле...» (мужчины 26–60 лет)

«кавказцы очень гостеприимные, своего никогда не бросят, у нас есть стержень...» (юноши 17–25 лет)

«Вы можете представить, что кавказский парень говорит: давай выйдем, спокойно поговорим, разберемся...!?» (девушки 17–25 лет)

1.2. Факторы, характеризующие принимающее население.

1.2.1. Демографические – женский пол и возраст старше среднего у принимающего сообщества, по мнению мигрантов, не способствует эффективному взаимодействию принимающего сообщества с мигрантами.

«Женщины из местного сообщества хуже, чем мужчины, они большие националисты, несдержанные...» (девушки 17–25 лет).

1.2.2. Личностные качества, способствующие принятию мигрантов – воспитанность, образованность, доброжелательность, толерантность способствует формированию адекватных взаимных образов и в целом эффективному взаимодействию.

«... они добрые, более отзывчивые, стремящиеся прийти на помощь...» (девушки 17–25 лет)

«...местный еще и не задумывается над тем, что делает, что ему сказали, то он и говорит...» (юноши 17–25 лет).

1.2.3 Социально-психологические и этнопсихологические характеристики – знание своей культуры и уважение других культур, этнический патриотизм русских повышают авторитет русских в глазах мигрантов, способствуют эффективному взаимодействию. Воспринимаемая физическая, экономическая, психологическая и культурная угрозы, явно негативный гетеростереотип русских, исламофобия и дискриминационные установки принимающего населения снижают успех взаимной адаптации мигрантов и принимающего населения:

«...вот у русских такая история, а они ее не знают, не хотят знать, культуру забыли...» (женщины 26–60 лет)

«...вот если бы они понимали нашу культуру, уважали бы ее, то многое бы изменилось..., ведь они же не хотят нашу лезгинку ...» (юноши 17–25 лет)

«А часто за русскую девушку заступиться некому, или есть, но они не заступаются... И женщины, и мужчины пьют...Женщины курят» (женщины 26–60 лет)

«... я вот был во многих местах, там у русских очень сильная исламофобия...» (мужчины 26–60 лет)

Также при описании русских мигранты – представители народов Северного Кавказа говорили, что русских не так много, они не очень хороши, раньше они были похожи на кавказцев, и это было хорошо, а сейчас они должны измениться. Такое стремление мигрантов принизить численность русских, сделать русских похожими на себя – это желание минимизировать тревогу меньшинства относительно большинства, и стремление минимизировать тревожность, обусловленную нестабильностью и непонятностью «русской среды». В целом, можно отметить, что мигранты воспринимают угрозу и выстраивают некие стратегии защиты.

1.3. К группе факторов, характеризующих воспринимаемые культурные различия, были отнесены опора на коллективистские ценности мигрантов (поддержка родственников и близких, ориентация на общественное мнение, групповое решение проблем, значимость групповых идентичностей и др.), более высокий статус мужчины, негативное отношение к женщине, уважение к старшим, опора на традиционализм, особенность социального контроля (опора на этнокультурные нормы, а не нормы закона, контроль со стороны семьи и рода). Все эти факторы мешают налаживанию эффективных взаимоотношений мигрантов и принимающего населения. Однако мигранты отмечали, что при таком отличии важно всегда искать что-то общее – общие интересы, общее государство, общую ценность семьи и др.:

«...нельзя позорить семью, не проявляют своих чувств, нельзя демонстрировать отношения..., нельзя в брак с другими этносами» (девушки 17–25 лет)

«У нас запрещено пить, курить, у нас мужчины выше женщин... У нас более уважительное отношение к родителям и старшим» (женщины 26–40 лет)

«У нас так заложено, что вот мой сын за границей, но даже отсюда я его контролирую, круглые сутки мы говорим ему: смотри, смотри, смотри!» (женщины 26–60 лет).

1.4. Факторы, описывающие ситуацию взаимодействия мигрантов и принимающего населения. Негативные факты история межгрупповых контактов снижают успех взаимной адаптации, позитивные – повышают. В этой связи важным моментом является историческая грамотность, которая может снижать мифологизацию, и, соответственно, снижать негативное воздействие этого фактора:

«Наши родители, которых выселили когда-то, ...их вывалили, собственно говоря, на улицу. Мой отец похоронил по дороге в Казахстан шестерых детей, он их даже похоронить не мог, потому что поезд не останавливался, и он их выбрасывал в окно поезда...» (женщины 26–60 лет).

Некорректная деятельность СМИ, недоверие к федеральной власти, неэффективная миграционная и национальная политики, отсутствие общественной безопасности, угроза терактов, по мнению мигрантов, дестабилизирует их взаимоотношения с принимающим населением, создает негативный контекст:

«Тема национализма преподносится не так... Сейчас все сводят к национальности... Вообще не надо акцентировать на том, кто это сделал, нужно говорить, что нарушили нормы. Не нужно СМИ указывать национальность...» (женщины 26–60 лет)

«Наши губернаторы с экранов телевизоров не должны людей настраивать друг против друга, сеять вражду между ними, они должны, наоборот, улаживать эти конфликты (мужчины 26–40 лет).

Наличие национальнокультурных обществ, оказывающих социальную, экономическую, психологическую, этнокультурную поддержку мигрантам, наличие открытых диалоговых площадок способствуют эффективной адаптации мигрантов и налаживанию взаимоотношений мигрантов и принимающего населения:

«Нужны места для совместных встреч. Нужно вот такие собрания делать только не с кавказской молодежью, а со всей. Нужно все для общения. Чтобы обсуждали наболевшие проблемы...» (юноши 17–25 лет).

2. Факторы взаимной адаптации, выделенные на основе представлений принимающего населения Ставропольского края.

2.1. Факторы, характеризующие мигрантов.

2.1.1. Демографическая характеристика – молодой возраст. Молодые мигранты – как юноши, так и девушки – по мнению «местных», имеют больше шансов быть непринятыми:

«их девушки только с виду тихие, а в тихом омуте черти водятся...» (женщины 26–60 лет).

2.1.2. Личностные характеристики мигрантов, которые могут им помочь успешно адаптироваться в принимающем сообществе: желание мигрантов интегрироваться в местное сообщество, стремление не выделяться и быть похожим на «местных», полезность территории, толерантность:

«Как это: они хотят сюда приехать, хотят здесь жить и не хотят интегрироваться? Вот это как?» (женщины, 26–60 лет).

2.1.3. Социально-психологические и этнопсихологические характеристики мигрантов. Стремление противопоставить себя местным, восприятие мигрантами своей культурной исключительности, плохое владение русским языком, негативные стереотипы мигрантов в принимающем сообществе, гипертрофированная этническая и религиозная идентичность, стратегии взаимодействия, ориентированные на силу, не способствуют успешной адаптации мигрантов:

«Мне кажется, что мигранты пытаются себя поставить так, чтобы казаться более уверенными в себе. Хотя это не так, нам местным кажется, что это не так. Мы знаем, что они только временно здесь, но они более напыщенные. Чтобы увидели меня, я покажу себя, что я уверен в себе» (девушки, 17–25 лет)

«Мне на самом деле очень нравится, как они друг за друга стоят горой. Мы говорим вот, что русские вроде, да, единая сила. Но если так подумать, если у них какая-то беда случается – у них все сразу бросаются на помощь, а у нас, если что-то случилось, наоборот, все стараются обойти стороной» (девушки, 17–25 лет)

«...они наглые, сразу вытаскивают оружие..., вот маршрутчик, ему человек не заплатил, так он выскочил и сразу ножом пырнул, сходу...» (женщины 26–60 лет)

«все на «понтах»...» (мужчины 26–60 лет).

2.2. Факторы, характеризующие принимающее общество (образ самих себя).

2.2.1. Личностные характеристики, способствующие эффективному взаимодействию с мигрантами: уважение и знание своей собственной культуры, толерантность, доброжелательность, чувство хозяина:

«даже если ты его не уважаешь, просто веди себя достойно. Не ругайся с ним, не дерись. Просто приятное общение, чтобы и тебе было приятно поговорить с человеком, и он с тобой приятно поговорил» (юноши, 17–25 лет).

2.2.2. Отношение к миграции. Негативное восприятие миграции усиливает воспринимаемую угрозу, миграция видится как бесконтрольный проблемный процесс, влекущий за собой возрастание уровня социальной тревожности, угрозы социальной безопасности, роста коррупции, повышения уровня безработицы:

«Уже весь Ставропольский край, ситуация ухудшается, уже скоро нужно уезжать, я не знаю, куда-нибудь. И сейчас бегут почему-то, я не знаю почему. Русские говорят, надо бежать из Ставрополя, Ставропольского края в Краснодар, хотя их там тоже полно, я не понимаю этого» (девушки, 17–25 лет)

«Сразу уровень криминала растёт, убийства....Только сплошные убийства, там ограбил...» (женщины, 26–60 лет).

2.2.3. Социально-психологические и этнопсихологические характеристики русских – представителей принимающего сообщества. Адекватный автостереотип русских, этнический патриотизм способствуют созданию позитивного образа русского и в целом эффективному взаимодействию с мигрантами. Размываемая этническая идентичность, наличие исламофобии, дискриминационные установки и агрессивные стратегии взаимодействия с мигрантами снижают эффективность взаимодействия мигрантов и принимающего населения:

«Мы ведь великая духовная нация!» (женщины, 26–60 лет);

«Я с ним начал общаться и думал, ... что он не очень высокого уровня... А потом, когда с ним пообщался, оказалось, что человек сочиняет стихи, очень ... начитан, смотрит интеллектуальные фильмы, разбирается в искусстве, ... он для меня был как непрочитанная книга» (юноши, 17–25 лет).

2.3. Факторы, отражающие культурные различия между мигрантами и принимающим населением: закрытость кавказских культур, враждебное отношение мигрантов к культурным отличиям, религиозным традициям, стремление к традиционализму, этнокультурные особенности ведения хозяйства, традиционные различия в характере отношений между разными полами, зависимость от общественного мнения, противоречивость культурных норм по отношению к женщинам, различия в социальном контроле (местное население ориентируется на соблюдение законодательства, взаимодействие с органами представительной власти, мигранты строго ориентированы на общественное мнение, мнение ближайшего окружения (семьи, рода) и традиционные нормы культуры (религиозные нормы), которые выступают основными регуляторами поведения. Выделенные различия приводят к непониманию и негативно влияют на взаимодействие принимающего населения с мигрантами:

«Неуважение к женскому полу, у многих есть такое, что она должна только готовить, тебе все делать, а уважение к ней не обязательно» (девушки, 17–25 лет);

«я к тому, что там они жестки, там ведь, во-первых, просто убьют, там контроль социальный в этой среде, там они не разбалуются. А здесь, да, они приезжают, в том числе и за этим» (мужчины, 26–60 лет);

«а потому что там они у родителей, у дедушек себя так вести не будут ... Для них старшие – это авторитет» (девушки, 17–25 лет).

2.4. Факторы, характеризующие ситуацию взаимодействия мигрантов и принимающего населения. Негативные события исторического прошлого – депортация, войны, конфликты – снижают взаимную адаптацию, положительные события, интернациональная политика – повышают:

«Это изначально из истории пошло, война, сколько там вырезали, и самого Шамиля, его считай, купили. И мне кажется, сама ... история со временем – всё равно это у людей как бы пришло, в горячих точках когда воевали» (юноши, 17–25 лет).

Некорректная деятельность СМИ, недоверие к власти, отсутствие системной долгосрочной национальной политики приводят к конструированию у принимающего сообщества негативного образа мигранта с Северного Кавказа, снижают эффективность решения проблем взаимодействия мигрантов и принимающего населения.

«Но это тоже стереотипное мнение в СМИ. Вот сразу замечают, что человек с Северного Кавказа, и сразу начинают уделять этому внимание, подчеркивают, и фотографию его, что это именно он» (девушки, 17–25 лет);

«На самом деле, конфликты на национальной почве, но нам пытаются сказать «нет», «не надо». Почему? Потому что власть боится...» (мужчины, 26–60 лет)

В качестве способов решения сложившихся проблем между мигрантами и принимающим населением были выделены повышение общего уровня осведомленности об этнокультурных различиях, как со стороны местного населения, так и со стороны мигрантов; организованные межкультурные контакты; прозрачность действий властей; контроль СМИ; эффективность единого правового поля; действенность мер национальной политики; создание общих площадок для обмена опытом, активного досуга (преимущественно востребовано представителями младшего поколения (17–25 лет).

«Во всех высших учебных заведениях, техникумах прошли «круглые столы», где бы были дети всех национальностей, занимались объединительными делами ... как КВН. Неформально, кто хочет» (женщины 26–60 лет)

Сопоставление факторов, выделенных в фокус-группах мигрантов и принимающего населения, позволяет глубже понять причины, обуславливающие возникновение проблем во взаимоотношениях между ними, реципрокность представлений и возможные пути решения проблем.

Кроме того, исследование показало, что и мигранты, и местное население практически одинаково воспринимают суть проблем миграции, выделяют различия в культурах, а также практически одинаково описывают ситуацию взаимодействия. Можно сказать, что здесь позиции мигрантов и представителей принимающего сообщества реципрокны.

Наибольшие расхождения выявлены во взаимных образах мигрантов и принимающего населения. Местные жители более адекватно оценивают как представителей народов Северного Кавказа, так и себя, отмечают и положительные, и отрицательные качества. Мигранты воспринимают себя только в положительных красках, образ же русских у них – в основном негативный. Образ «местного» в представлениях и мигрантов, и самих местных имеет много совпадений. Большая степень расхождений проявляется в образе мигранта. Это, соответственно, может быть почвой для проблем и конфликтов.

Наиболее неблагоприятный прогноз для взаимной адаптации у мигрантов связан с такими их характеристиками, как молодой возраст и мужской пол, тогда как местные считают, что девушки-мигранты также несут в себе потенциальную угрозу, и не всегда готовы их принимать.

При описании личностных характеристик, значимых для адаптации мигрантов, также выявлены отличия: мигранты считают, что адаптироваться им помогут социальная активность, возможность «показать себя», образованность, воспитанность, а местные считают, что главным является ориентация мигранта на интеграцию в местное общество и полезность для региона.

Представления мигрантов и принимающего сообщества относительно стратегий взаимодействия очень близки. И те, и другие считают, что при разрешении проблем мигрантам с Северного Кавказа важно «показать» себя, при разрешении конфликта они используют агрессивные меры, об-

ращаются к помощи группы. Для местных характерно стремление договориться, вступить в вербальный контакт, решить все миром, использовать в основном личный ресурс.

Местные жители в целом негативно относятся к миграции, мигранты неоднозначно (позитивно – к временной миграции, направленной на учебу, работу, карьерный рост, негативно – к вынужденной, связанной с вооруженными конфликтами, выселением). У мигрантов доминирует тенденция на возвращение домой, что в целом снижает стремление к ассимиляции и интеграции в местное сообщество.

Были выявлены значимые различия в восприятии последствий сложившейся ситуации миграции в Северо-Кавказском Федеральном округе. Местные жители очень четко сформулировали эти последствия в негативных тонах, которые являются основой воспринимаемой экономической, психологической, физической угроз. Мигранты вообще на этом не акцентировали внимание.

При выделении мер, позволяющих снизить проблемы, возникающие во взаимоотношениях мигрантов и принимающего населения, и мигранты и местные жители были единомышленны. Повышение этнокультурной компетентности, формирование надэтнических идентичностей, поиск общего, личные контакты и диалог, акцент на личностную идентичность и ответственность, обмен опытом, опора на общероссийские законы, формирование поликультурной среды, контроль за СМИ, а также системность и неформальность всех проводимых мероприятий и, по мнению мигрантов и принимающего сообщества, будут способствовать налаживанию конструктивного межкультурного общения.

В целом, исследование показало, что факторы, которые можно отнести к «объективным» – культурные различия, факторы, описывающие ситуацию взаимодействия, демографические характеристики участников взаимодействия воспринимаются и мигрантами, и принимающим населением практически одинаково. Наибольшие расхождения в представлениях мигрантов и принимающего населения были выявлены в факторах, которые достаточно субъективны и, как правило, конструируются на основе личного опыта и под влиянием общественно-политического дискурса. Наибольшие расхождения связаны с образом мигранта, с теми качествами, которые помогают мигранту успешно адаптироваться, а также воспринимаемые последствия миграции – воспринимаемая дискриминация (у мигрантов), воспринимаемая угроза (у принимающего сообщества).

В сложившейся ситуации один из конструктивных выходов – это формирование у всего населения края толерантности к разнообразию, инаковости, но исследование показывает, что пока общество не готово к этому, и мигранты, и принимающее сообщество указывали на необходимость «похожести», при этом, мигранты апеллировали к прошлому, говорили, что «русские были на нас похожи, но утратили свои традиции» (что плохо), а принимающее сообщество апеллирует к настоящему и будущему («мигранты должны меняться»).

Результаты данного исследования могут быть использованы при планировании миграционной политики и при разработке мер, способствующих успешной взаимной адаптации мигрантов и принимающего населения в регионах России.

Литература

1. Авксентьев В. А., Бабкин И. О., Медведев Н. П., Хоц А. Ю., Шнюков В. В. Ставрополь: этноконфликтологический портрет. Ставрополь, СГУ, 2002
2. Авксентьев В. А., Иванова С. Ю., Гриценко Г. Д., Лепилкина О. И., Шаповалов В. А., Шульга М. М. и др. Некоторые аспекты интеграции мигрантов в местное сообщество (на примере Ставропольского края): монография // Современные миграционные процессы: состояние, проблемы, опыт государственного и общественного регулирования / под ред. А. В. Понеделькова, А. В. Старостина, В. В. Рудого, С. С. Змияка. Ростов н/Д Изд-во: СКАГС, 2008.
3. Белановский С. А. Метод фокус-групп. М.: Издательство Магистр, 1996.
4. Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность: Сборник научных статей / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008.
5. Демографические и этнические проблемы Северного Кавказа и пути их решения. М., 2012 С. 77–90

6. Жогин Б. Г., Маслова Р. Ф., Шаповалов В. К. Интеграция вынужденных мигрантов в местное сообщество. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002.
7. Иванова С. Ю., Лутовинов В. И. Современный российский патриотизм. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. 320 с.
8. Ключникова Л. В. Взаимосвязь социально-психологической адаптации переселенцев и межгруппового восприятия (на примере немцев, выехавших из стран СНГ на постоянное место жительства в Германию): автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2001. 26 с.
9. Лебедева Н. М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993.
10. Медведев Н. П. О некоторых проблемах этнополитической стабильности на Северном Кавказе // Политическая регионалистика и этнополитика: проблемы централизации / под общей ред. Н. П. Медведева. Вып. 8. М.: Издательский Дом МИСиС, 2010.
11. Рыбаковский Л. Л. Миграционные процессы: понятие, формы, виды и стадии. М., 2000.
12. Стефаненко Т. Г. Адаптация к новой культурной среде и пути ее оптимизации. М., 1999.
13. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: Сборник научных статей / под ред Н. М. Лебедевой и А. Н. Татарко. М.: РУДН, 2009.
14. Berry J. W. Psychology of acculturation. In R. W. Brislin (Ed.), *Applied cross-cultural psychology*. Newbury Park, CA: Sage. 1990. P. 232–253.
15. Berry J. W. Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*. 1997. 46. P. 5–34.
16. Berry J. W. Research on multiculturalism in Canada // *International Journal of Intercultural Relations*. 2013. Vol. 37. P. 663–675.
17. Berry J. W., Phinney J. S., Sam D. L., Vedder P. Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation. *Applied Psychology: International Review*. 2006. Vol. 55(3). P. 303–332.
18. Berry J., & Sam D. Acculturation and adaptation. In J. Berry, M. Segall, & C. Kagitcibasi (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Social behavior and applications*. Boston: Allyn&Bacon. 1997. Vol. 3. P. 291–326.
19. Birman D. Acculturation and human diversity in a multicultural society. In E. J. Trickett, R. J. Watts, & D. Birman (Eds.), *Human diversity: Perspective on people in context*. San Francisco: Jossey-Bass. 1994. P. 261–284.
20. Bourhis R., Moïse L.C., Perreault S., Senécal S. Towards an interactive acculturation model: A social psychological approach // *International Journal of Psychology*. 1997. Vol. 32(6). P. 369–386.
21. Kamberelis G., & Dimitriadis G. Focus groups: Strategic articulations of pedagogy, politics and inquiry. In N. K. Denzin, & Y. Lincoln S. (Eds.), *Collecting and interpreting qualitative materials*. Thousand Oaks, CA: Sage. 2008. P. 375–402.
22. Koser K. & Laczko F. (Eds.) *World migration report 2010. The future of migration: building capacities for change*. Geneva: International Organisation for Migration. 2010.
23. Liamputtong P. Cross-Cultural Research and Qualitative Inquiry // *Turkish Online Journal of Qualitative Inquiry*. July 2010, 1(1). P. 16.
24. Liebkind K., Jasinskaja-Lahti I. The influence of experiences of discrimination on psychological stress: A comparison of seven immigrant groups // *Journal of Community and Applied Social Psychology* 2000. № 10. P. 1–16.
25. Sam D. L., Berry J. W. Acculturation: When individuals and groups of different cultural backgrounds meet // *Perspectives on Psychological Science*. 2010. Vol. 5. P. 472–481.
26. Strauss A. and Corbin J. *Basice of Qualitative Research*. Newbury Park: Sage. 1990.
27. Ward C. Acculturation. In D. Landis & R. Bhagat (Eds.), *Handbook of intercultural training* Thousand Oaks, CA: Sage. 1996. P. 124–147.